

АЛЕКСЕЙ ЕВДОКИМОВ

ТРЕМБИТА ЗВУЧИТ НА РАССВЕТЕ

КАРПАТЫ В ОГНЕ

18+

Алексей Евдокимов

Трембита звучит на рассвете

«Автор»

2023

Евдокимов А.

Трембита звучит на рассвете / А. Евдокимов — «Автор», 2023

Краповые береты... Это элита спецназа России! А как создавались эти войска? Где и как рождались их традиции: стойкость, мужество, верность долгу, героизм? Повесть «Трембита звучит на рассвете» из серии «Краповые береты» посвящена истории внутренних войск России. Сюжет повести основан на реальных событиях, происходивших после Великой Отечественной войны на территории Западной Украины.

© Евдокимов А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть первая. Случайная встреча	5
Предгорье Карпат. 25 марта 1947 года...	5
Станислав. 26 марта 1947 года...	7
Колочаевский лес. 26 марта 1947 года...	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Алексей Евдокимов

Трембита звучит на рассвете

Часть первая. Случайная встреча

Предгорье Карпат. 25 марта 1947 года...

Весна тысяча девятьсот сорок седьмого года выдалась на Западной Украине затяжной и очень дождливой. С середины марта, когда снег на склонах гор начал подтаивать и на нагретых солнцем прогалинах появились первые весенние цветы, из низко проплывающих над землей туч заморосил, перемешанный со снежными хлопьями, дождь, который не прекращался затем целый месяц. Узкие горные дороги, и так разбитые за войну, покрылись слоем липкой желто-коричневой грязи. Падающие с каменных откосов потоки воды, вымывали на них глубокие ямы и, скатываясь дальше вниз, исчезали в затянутых туманном провалах и лощинах. Груды гравия и обломки скал усыпали размытые колеи, создавая непроходимые преграды для автомашин и пеших путников.

Темной мартовской ночью на высокогорном шоссе между Ужгородом и Мукачево, которое извилистой лентой тянулось по западному склону Карпатского хребта, с трудом выбираясь из ям и объезжая завалы, ехала одинокая легковая машина. Темно-зеленый «Додж» с военными номерами был единственной легковушкой, рискнувшей в такое время, появиться на шоссе. В накрытом брезентовой крышей салоне «Доджа» сидели три человека. Рядом с водителем – молодцеватым сержантом с орденом Отечественной войны на забрызганной грязью шинели, сидел, одетый в полушубок и валенки, старший лейтенант, и, поправляя на носу очки, внимательно всматривался в лежащую на коленях топографическую карту. Изредка старший лейтенант бросал взгляд на дорогу и, словно досадуя на что-то, слегка покачивал головой. На заднем сиденье «Доджа» подняв воротник шинели и надвинув на глаза фуражку с темно-синим околышем, сидел майор. Мужчина уже не молодой, с лицом, испещренным глубокими преждевременными морщинами. Его глаза были закрыты, но, когда машину начинало подбрасывать на неровной, каменистой дороге, он просыпался и, бросив сонный взгляд в окно, плотнее прижимался спиной к узкой кожаной подушке сиденья.

– Товарищ майор, – торопливо, пока майор снова не закрыл глаза, спросил его старший лейтенант. – Разрешите обратиться?

– Обращайтесь! – устало ответил майор.

– Мы уже двадцать километров проехали, а развилки все нет и нет... – хриплым простуженным голосом то ли пожаловался, то ли извинился старший лейтенант. – Не могу понять, в чем дело?

По губам майора скользнула чуть заметная усмешка.

– Ну, во-первых, не двадцать, а восемнадцать... – ответил он на распев, с заметным украинским акцентом, – ...а, во-вторых, вам старший лейтенант надо правильно карту научиться читать.

Взгляд старшего лейтенанта виновато потупился.

– Извините, товарищ майор. Я полковой фельдшер. Мое дело раненых и больных лечить, а с картой редко приходится дело иметь. – ответил он.

– Так-то это так, но на войне все может пригодиться. – заметил майор.

Старший лейтенант улыбнулся.

– Но ведь война уже давно закончилась... – возразил он.

Майор покачал головой.

– Для кого как... – задумчиво сказал он. – Для нас с вами она продолжается. Только теперь эта война стала тайной, которую другие люди порой не замечают.

Старший лейтенант и майор надолго замолчали, видимо думая каждый о своем.

– А как вы, на том хуторе оказались? – наконец, прервал молчание майор.

Старший лейтенант пожал плечами.

– Случайно... Ехали из Подлесья. Там рота нашего полка расквартирована. Радиатор закипел... Водитель решил ведро воды раздобыть, – старший лейтенант кивнул на сидящего рядом с ним сержанта. – А тут, как назло, на хутор бандеровцы нагрянули. Хорошо, что вы мимо проезжали с автоматчиками. Выручили...

Майор бросил на старшего лейтенанта долгий изучающий взгляд.

– Вы нам тоже очень сильно помогли, – сказал он, указывая рукой на, виднеющиеся в брезентовой крыше, пулевые отверстия. – Когда нас пулеметчики прижали к земле, думал, перебыт всех. Хорошо, что вы их гранатами забросали.

Старший лейтенант посмотрел на свои длинные мускулистые руки.

– Когда раненых с поля боя выносишь, руки сильными становятся. Гранату куда хочешь забросить можно. – сказал он.

– А вы давно служите? – поинтересовался майор.

– С тысячи девятьсот тридцать девятого года, – ответил старший лейтенант. – Сразу после окончания фельдшерской школы попал в войска НКВД. Вот с ними всю войну и прошел. Где только воевать не пришлось... Под Москвой, под Сталинградом... Затем, на реке Молочной почти год во втором эшелоне стояли. Ну а потом сюда, в Закарпатье война забросила. Вот с сорок четвертого года с бандеровцами и воюю...

Значит, вам сейчас двадцать шесть лет и фронтовой опыт у вас имеется, – подытожил монолог старшего лейтенанта майор.

Он перевел взгляд на темнеющие за окном силуэты горных вершин. С минуту в машине стояла тишина. Затем майор раскрыл планшетку с картой и, взглянув на нее, сказал:

– А развилка будет через пять минут. За следующим поворотом.

Когда «Додж», достигнув развилки, остановился, старший лейтенант спрыгнул на обочину дороги и, обратившись к майору, сказал:

– Дальше я уже своим ходом буду добираться, а вас, как мы и договаривались, шофер до Станислава подбросит.

Майор, молча, кивнул.

– Товарищ майор, – снова обратился старший лейтенант к майору. – Нельзя ли узнать вашу фамилию? Мне начальнику штаба полка надо доложить.

– Никитин... Заместитель коменданта города. – ответил майор и хлопнул шофера по плечу, чтобы тот ехал дальше.

Станислав. 26 марта 1947 года...

Когда машина подъехала к городу, стало совсем светло. Раннее мартовское утро началось неожиданно. Еще минуту назад стены и крыши домов утопали в ночном сумраке, как вдруг из-за светло-розовых туч блеснул солнечный луч, и, словно прорубив в темноте окно, заиграл разноцветными огоньками на окнах и церковных куполах. Солнечный свет стал быстро заливать улицы и площади города. Стаи птиц поднялись высоко в сияющее голубизной небо, и оттуда донесся их протяжный, отдающий многоголосым эхом, крик.

Разбрызгивая колесами глубокие лужи, «Додж» промчался по пустынной в этот ранний час улице Тараса Шевченко и, скрипнув тормозами, остановился у здания областного управления Министерства государственной безопасности Украины.

– Товарищ майор, – водитель повернул к Никитину утомленное, покрытое брызгами грязи лицо. – Разрешите съездить на заправку за горючим, а то, боюсь, на обратный путь может не хватить?

Вылезая на тротуар, Никитин согласно кивнул и быстрым шагом направился к входу в здание. Отдав честь вытянувшимся часовым, он поднялся на третий этаж и, сняв с головы фуражку, остановился у двери с табличкой – «Оперативный дежурный». На его стук из-за двери раздалось: «Войдите!» Затем дверь распахнулась и перед Никитиным выросла высокая худощавая фигура старшего лейтенанта, который в одной руке держал дымящийся стакан с чаем, а в другой, накрытый кусочком сыра, бутерброд. Увидев старшего по званию, старший лейтенант смутился, но, перехватив озабоченный взгляд Никитина, шагнул в сторону и произнес:

– Проходите, товарищ майор!

На ходу, снимая шинель, Никитин подошел к большому письменному столу, стоящему у окна.

– Товарищ старший лейтенант, начальник управления генерал-майор Маслов просил поставить его в известность, если в ходе операции возникнут непредвиденные обстоятельства... – сказал он и, взглянув на встревоженное лицо старшего лейтенанта, добавил. – На нашу засаду у хутора совершено нападение. Я только что оттуда. Нападение удалось отбить, но есть раненые. Поднимите по тревоге гарнизон в Подлесье. Пусть срочно организуют преследование бандеровцев. Далеко уйти они не смогли.

Не говоря ни слова, дежурный поставил на край стола стакан с чаем и, положив рядом бутерброд, расстелил на столе карту. Никитин склонился над ней.

Вот здесь... – он провел пальцем по северо-западной опушке леса, заполнявшего собой почти все пространство карты. – Бандеровцев было человек тридцать с двумя пулеметами. Видимо, они знали о засаде и хорошо подготовились к бою. Если бы не часовой, потери могли быть намного больше. Он заметил их дозор и выстрелом успел поднять тревогу.

Старший лейтенант карандашом делал на карте торопливые надписи.

– Я сейчас же позвоню генералу Маслову, – закончив писать, сказал он.

Дежурный снял трубку телефона и, спустя секунду, быстро сказал в нее:

– Товарищ генерал-майор, это дежурный по управлению. Майор Никитин из военной комендатуры здесь. Докладывает, что при проведении операции возникли сложности.

– Машину к подъезду! – послышалось из трубки.

– Есть!

Старший лейтенант положил трубку на рычаги телефонного аппарата и громко крикнул:

– Елизаров!

– Здесь!.. – словно эхо раздалось из-за двери.

– Быстро к генералу!

За дверью слышались торопливые шаги и, спустя минуту, под окнами затарахтел мотор легкой автомашины. Когда его шум затих, старший лейтенант поставил перед Никитиным чистый стакан и предложил.

– Может быть, чаю пока выпьете?

Помешивая в стакане янтарный, пахнувший лимоном, чай Никитин, позволил себе немного расслабиться и, скинув на спинку кресла шинель, сел в него и вытянул уставшие за бессонные сутки ноги. В ожидании начальника областного управления МГБ генерал-майора Маслова он решил обдумать произошедшие за последние часы события. Перед его глазами замелькали... лица подчиненных, покрытые черепицей крыши домов, разбитые, грязные дороги и заснеженные отроги Карпатских гор.

Ровно сутки назад, прямо с этого места он поехал выполнять операцию, от результата которой зависел исход многомесячной борьбы, которую вели органы государственной безопасности Украины с коварным и жестоким бандеровским подпольем. Многочисленные отряды УПА – украинской повстанческой армии – словно гнойные нарывы на теле, покрывали территорию Львовской, Станиславской и Ужгородской областей. Хорошо вооруженные и знавшие местные обычаи, они как бы растворялись среди местного населения. Обитая в схронах и зимовьях, последователи Степана Бандеры искали любую возможность для того, чтобы нарушить мирную жизнь жителей Закарпатья. На кровавом счету бандеровцев были сотни загубленных жизней, не только советских активистов и им сочувствующих, но и простых крестьян и жителей небольших украинских городков и местечек. С особой жестокостью бандеровцы расправлялись с солдатами и командирами Советской Армии и сотрудниками милиции.

Бороться с бандами УПА было очень непросто, так как они пользовались поддержкой определенной части населения Закарпатья. Везде у них были свои глаза и уши, которые бдительно следили за всем, что предпринимали органы государственной безопасности. Никитин, раздумывая над результатами прошедшей ночью операции, все отчетливее понимал, что она не была тайной для действующих в районе Станислава бандеровских банд. Цель операции состояла в том, чтобы захватить одного из руководителей местных боевиков по фамилии Панасюк.

По полученным областным управлением МГБ данным он недавно вернулся в Закарпатье из-за границы. Откуда именно?.. Скорее всего, из американской зоны, оккупированной союзниками Германии. Было известно, что Панасюк еще в тысяча девятьсот тридцать девятом году был завербован немецкой военной разведкой «Абвер». Летом сорок первого года он в составе диверсионного батальона «Нахтигаль» принимал участие в расправе над интеллигенцией города Львова. Советские следственные органы разыскивали его как военного преступника.

Информация о Панасюке была получена неделю назад от одного из жителей Станислава – Якова Шабата. Шабат ездил навещать родственников в село Подлесье, которое находилось километрах в сорока к западу от города, и к своему великому изумлению, на базарной площади увидел Григория Панасюка. Тот спокойно разгуливал между торговцами, и, казалось, не обращал внимания, на проходившие мимо военные патрули. Панасюк был хорошо известен Шабату. В тысяча девятьсот сорок третьем году Панасюк участвовал в расстреле его родственников – дяди и старшего брата, обвиненных в помощи советским партизанам. Панасюк тогда возглавлял один из карательных фашистских отрядов, состоящий из украинских националистов.

Шабат тут же сообщил о Панасюке в военную комендатуру, но попытки задержать его на рынке ни к чему не привели. Видимо почувствовав опасность, тот скрылся. Расспросы местных жителей позволили установить, что Панасюк часто бывает на хуторе, принадлежавшем некоему Василию Стефанику, зажиточному крестьянину, в годы войны сотрудничавшему с немецкими оккупантами. За хутором было установлено наблюдение. Три дня назад, ночью на хуторе появился неизвестный человек, одетый в поношенный немецкий мундир с автоматом

за плечом. Он о чем-то долго беседовал с владельцем хутора. Было принято решение его не задерживать.

На следующий день после визита незнакомца Стефаник стал покупать на базаре в большом количестве продукты... хлеб, сало, консервы, крупу и складывать их в один из своих многочисленных амбаров. Очевидно, его попросил об этом визитер. Не вызывало сомнения то, что в ближайшие дни продукты должны были забрать. Руководство областного управления МГБ приняло решение уничтожить обоз, который приедет за продуктами и, если в нем окажется Панасюк, попытаться захватить его. У хутора Стефаника была организована засада. Возглавил ее заместитель военного коменданта Станислава майор Никитин.

За дверью кабинета оперативного дежурного послышались шаги, затем дверь распахнулась, и в комнату вошел начальник областного управления МГБ генерал-майор Маслов. Это был высокий широкоплечий мужчина средних лет, немного грузноватый, но по выражению лица сохранивший юношеский задор и решительность. Китель генерала украшали два ордена Ленина и три ордена Боевого красного знамени. Никитин знал, что Маслов во время оккупации фашистами Украины возглавлял крупный партизанский отряд, который действовал на Черниговщине.

Маслов скинул шинель вошедшему вслед за ним адъютанту, поздоровался с Никитиным и сел в кресло дежурного. Пройдясь взглядом по карте, он поднял трубку телефона.

– Соедините меня с командиром шестьдесят второго полка полковником Машковым! – приказал он.

Дождавшись ответа, он продолжил.

– Приветствую, Василий Петрович, извини, что так рано тебя разбудил, но у нас чрезвычайные обстоятельства. Да-да... это касается засады у Подлесья...

Маслов склонился над картой.

– После боя боевики двинулись на юго-запад. Силами гарнизона Подлесья организовано их преследование. Хорошо бы отрезать боевикам пути отступления в сторону Колочаевского леса.

Выслушав ответ, Маслов положил трубку телефона на рычаг и жестом руки предложил Никитину сесть в кресло.

– Садись, Михаил Степанович, и расскажи-ка подробно о бое на хуторе.

Никитин сел в кресло, вытащил из планшета карту и расстелил ее на столе.

– Товарищ генерал-майор, в засаде участвовало два взвода первого батальона шестьдесят второго полка. – начал он свой доклад. – Всего около семидесяти человек. В районе хутора были выставлены дозоры, а основные силы расположились чуть поодаль в овраге. Планировалось, что, когда обоз боевиков приедет на хутор, часовые сообщат об этом. Хутор будет окружен и обоз будет уничтожен.

– Но что-то пошло не так?.. – вопросительно взглянув на Никитина, спросил Маслов.

Никитин нахмурился.

– К сожалению, да... – с досадой в голосе ответил он. – Никакого обоза не было. Вместо него на хуторе появилась группа боевиков в количестве приблизительно тридцати человек с двумя пулеметами. Видимо они знали о засаде, и знали о том, что основные наши силы находятся в овраге. Пулеметчики блокировали его...

Маслов удивленно покачал головой.

– И как же вы выбрались оттуда? – спросил он.

Никитин пожал плечами.

– Не буду скрывать, товарищ генерал-майор, нам повезло. Мимо проезжал на машине старший фельдшер шестьдесят второго полка. Вот он нас и выручил. Когда на хуторе начался бой, они вдвоем с водителем гранатами забросали пулеметчиков. Ну а дальше мы уже сами

справились. Потери у боевиков: пятеро убитых и человек десять раненых. Про раненых информация приблизительная, так как их всех боевики унесли с собой.

– Хм... – Маслов, повернув голову, задумчиво посмотрел в окно. – Странно, что бандеровцы раненых не добились? – с удивлением произнес он. – Когда они убегают с поля боя, то с ними обычно не церемонятся.

– В том-то и дело, товарищ генерал-майор... – Никитин бросил выразительный взгляд на Маслова. – Раненых они почему-то взяли с собой?

– Странно... – Маслов в раздумье потер кончиками пальцев подбородок. – Очень странно... – повторил он.

– Может быть, среди них были те, кого добивать нельзя? – предположил Никитин.

– Может быть и так... – согласился с ним Маслов.

– Но тогда... – продолжил свою мысль Никитин. – Это можно использовать...

– Как? – поинтересовался Маслов.

– Для раненых потребуется медицинская помощь, – сказал Никитин. – Врачи у боевиков, скорее всего, есть, но вот медикаменты в таком количестве им достать будет очень трудно, особенно антибиотики. Они сейчас на вес золота.

– И они попробуют их достать у нас... – продолжил мысль Никитина Маслов. – Это для них единственная возможность.

– Пока я вас ждал, товарищ генерал-майор, кое-что придумал. – сказал Никитин и перешел на шепот, хотя в кабинете оперативного дежурного кроме него и генерала больше никого не было. – Предлагаю подставить боевикам нашего человека, который имеет возможность достать медикаменты. Они попросят его оказать им помощь, он согласится, и мы постараемся через него выйти на Панасюка. Москва требует взять его обязательно живым.

Маслов откинулся на спинку кресла и с минуту размышлял.

– Идея неплохая, – наконец, сказал он. – Очень неплохая. И кого ты предлагаешь задействовать в этой операции? У меня на примете такого человека нет.

Никитин уголками губ улыбнулся.

– У меня до сегодняшней ночи тоже не было, – ответил он. – Но теперь такой человек появился.

– И кто это?

– Старший фельдшер шестьдесят второго полка Родионов. Он заведует полковой аптекой.

Маслов бросил на Никитина удивленный взгляд.

– Ты думаешь, такой человек подойдет? – спросил он.

– Я думаю, что да, товарищ генерал-майор! – уверенно ответил Никитин. – Этой ночью я его видел в бою.

Маслов пожал плечами.

– Ладно, пусть будет Родионов. – согласился он. – Но учти, на твою ответственность.

Никитин положил перед собой чистый лист бумаги и взял в руки авторучку.

– Товарищ генерал-майор, предлагаю набросать план операции, – сказал он и, заметив согласный жест Маслова, продолжил. – Чтобы ускорить ее проведение, считаю целесообразным познакомить Родионова с кем-нибудь из родственников боевиков, проживающих в городе. По нашим сведениям, на Киевской улице в доме номер шесть живет младшая сестра Григория Панасюка – Оксана. Если ее брат вернулся, то, скорее всего, захочет навестить ее. Пусть в ближайшие дни Родионов встретится с Оксаной. Такое знакомство обязательно должно заинтересовать бандеровцев.

Колочаевский лес. 26 марта 1947 года...

– Дьявол вас побрал, клятые москали! – выругался низкорослый, коренастый мужчина с красным обветренным лицом, почти половину, которого занимали длинный висячие усы.

Он поправил на голове фуражку, украшенную выцветшим желтоватым трезубцем, и чтобы перевести дух прислонился к стволу, растущего около дороги, дерева. Мимо него, с трудом переставляя ноги в подтаявшем почерневшем снегу, стали проходить увешенные оружием люди в одинаковой темно-серой форме. Взглянув на них, мужчина, еще раз громко выругался и хриплым зычным голосом крикнул:

– Привал!

Вздых облегчения пронесся по колонне, из последних сил бредущей по, заваленной обледеневшими сугробами, лесной дороге.

– Четников ко мне! – приказал мужчина остановившемуся рядом с ним молодому веснушчатому парню в зеленоватой тужурке и немецкой суконной шапке.

– Слушаю, пан сотник! – вскинув ладонь к виску, ответил парень и, придерживая на груди немецкий автомат «Шмайсер», побежал вдоль колонны.

Спустя минуту, к мужчине подбежали трое и по очереди доложили о прибытии.

– Добре! – мужчина расстегнул две верхних пуговицы своего кителя и вытащил из-за пазухи сложенную гармошкой карту. – Надо решить, что делать дальше... – сказал он.

Развернув карту, мужчина углубился в ее изучение. По его лицу трудно было понять, какие мысли одолевают его. И это было не случайно...

Сотник украинской повстанческой армии Богдан Бутэйко не любил, когда кто-то раньше времени узнавал о принятых им решениях. Жизнь научила его быть скрытным и осторожным. Вот и сейчас, разглядывая желто-зеленый лист карты, он думал не столько о дальнейшем маршруте колонны, сколько о том, что ждет его в лагере повстанцев, и как отнесутся к тому, что произошло на хуторе Стефаника его командиры – куренной атаман Верещук и краевой Панасюк. Опасаться их недовольства у сотника были веские причины.

Задуманная руководством УПА операция обернулась полным провалом, и вместо победителей бойцы сотни возвращались в лагерь порядком потрепанные, недосчитавшись пятерых бойцов и, неся на носилках, восемь раненых. И самое главное не была достигнута цель операции – разгром наиболее боеспособных подразделений гарнизона Станислава, состоящего из полка внутренних войск МГБ. Зачем и кому это было нужно, Бутэйко не сказали, но он и сам начал догадываться, что краевое руководство УПА готовит какую-то крупную диверсию в городе или в его окрестностях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.